

М. К. ЗАНЬКОВЕЦКАЯ. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Статья А. М. Боршаговского
Публикация Н. И. Гитович

Исследователи жизни и творчества выдающейся украинской актрисы Марии Константиновны Заньковецкой (Адасовской) (1860—1934) давно уже отметили ее знакомство и кратковременную дружбу с Чеховым. Основанием для этого служили воспоминания Заньковецкой, записанные Н. М. Лазурской (отрывок из них был опубликован в журнале «Силуэты», Одесса, 1922, № 1. Текст воспоминаний печатается ниже), а также единственное сохранившееся письмо Чехова к Заньковецкой от 12 января 1892 г. (см. его выше в настоящем томе). Со слов ряда близких Заньковецкой, прежде всего ее многолетнего друга и биографа Н. М. Лазурской и киевского журналиста В. А. Чаговца, было известно, что Чехов написал после отъезда Заньковецкой из Москвы в 1892 г. несколько писем к ней. Но эти письма сгорели во время пожара старого дома Адасовских в с. Заньки на Черниговщине, и исследователям оставалось только в самой общей форме сослаться на факт переписки Чехова с Заньковецкой.

Если биографы актрисы — даже при очевидной скудности материалов — не могли обойти молчанием ее знакомство и дружбу с Чеховым, то биографы писателя вообще не останавливались на этом эпизоде своего внимания. Воспоминания Заньковецкой, затерянные на страницах одесских «Силуэтов», не вошли в основной фонд мемуарной литературы о Чехове; не подкрепленные чеховскими свидетельствами, они, быть может, вызывали и некоторое недоверие. Игнорировалось и письмо Чехова к Заньковецкой, — оно не вошло даже в свод его писем в Полном собрании сочинений. Заньковецкой в жизни писателя как бы не существовало.

Вместе с тем в Полном собрании сочинений (тт. XIII, XIV и XV) были впервые опубликованы письма Чехова к разным лицам, неопровержимо свидетельствующие о его дружбе с Заньковецкой, об увлечении ее талантом, об исключительно высокой оценке скупым на похвалы Чеховым самобытного искусства Заньковецкой. Благодаря этим письмам словно оживают, приобретают новый смысл и известные ранее немногие документы, которые до сих пор не выходили за рамки украинского театроведения. Все это создает возможность более полно охарактеризовать короткую по времени историю взаимоотношений Чехова и Заньковецкой.

Мария Константиновна Заньковецкая, дочь мелкопоместного дворянина К. К. Адасовского, родилась в 1860 г. в селе Заньки, Нежинского уезда на Черниговщине. Стремление к сцене рано охватило Марию Адасовскую. «Еще в пансионе, — писала она в «Автобиографии» (1921), — я участвовала в ученических спектаклях и обратила на себя внимание всех учителей, которые советовали мне просить моих родителей отдать меня в театральную школу, но по существовавшим тогда взглядам и тенденциям традиционных дворян на актеров об этом не могло быть и речи» («М. К. Заньковецька. Збірник», Київ, 1937, стр. 16).

Все препятствовало будущей актрисе: сословные предрассудки, воля отца, просьбы и угрозы братьев, опасавшихся, что сестра-актриса помешает их служебной карьере, мольбы и настояния первого мужа Марии Константиновны, с которым она

переехала в крепость Бендеры. «Взгляды мужа, — вспоминала Заньковецкая, — ничем не отличались от взглядов родителей, и мне лишь разрешалось, и то редко, играть в любительских спектаклях, в которых я имела чрезвычайный успех. Я обожала искусство, любовь к сцене стала моей жизнью. Я не могла больше бороться со своей любовью и, порвав со всеми своими, поступила на сцену» (там же).

Так Мария Адамовская стала Заньковецкой, по имени родного села Заньки, в котором прошли ее детство и юность. Именно там, в селе на Черниговщине, Заньковецкая глубоко впитала богатейшие впечатления, которые помогали ей на протяжении многих лет создавать столь правдивые и выразительные образы героинь из народа.

Сценический успех Заньковецкой необычаен даже для таких великих актрис, какой была она. В 1882 г., в глубокой провинции России, на сцене Елисаветградского театра впервые засверкала ее талант в «Наталке Полтавке» Котляревского, а спустя четыре года, в 1886 г., ей рукоплескал Петербург, покоренный свежестью и народной самобытностью ее искусства.

Украинский театр той поры, объединявший таких выдающихся художников, как М. Кропивницкий, М. Заньковецкая, Н. Садовский, П. Саксаганский, И. Тобилевич, Г. Затыркевич, — был неожиданным и новым явлением для Петербурга и Москвы и по своему репертуару. Разрешенный, наконец, царским правительством, после долгих лет полного запрета, украинский театр все же подвергался чрезвычайным полицейским и цензурным преследованиям. Было запрещено играть по-украински классические пьесы — западные и русские, — а также пьесы из жизни интеллигенции. Быт народных «низов», жизнь послереформенной украинской деревни — такова была сфера, за пределы которой не разрешалось тогда выходить украинской драматургии. Это накладывало известные ограничения на драматургию, но вместе с тем позволило наиболее талантливым художникам, выходцам из народа, создать ряд выдающихся драм и комедий, проникнутых социальным протестом, демократическими идеалами, защищавших «униженных и оскорбленных», которые страдали в мире чистогана, насилия и зла.

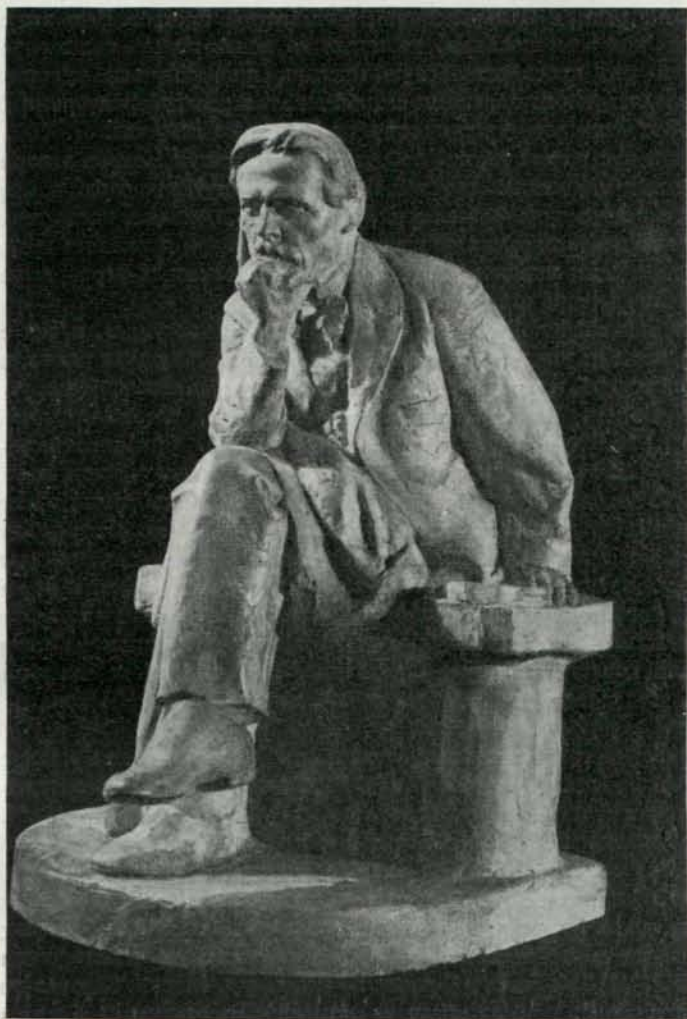
Известно, что Заньковецкая своим исполнением в Петербурге и Москве роли Харитины («Наймычка» Тобилевича) и главных женских ролей в пьесах «Бесталанная» Тобилевича, «Кулак, или паук», «Пока солнце взойдет — роса очи выест», «Дай сердцу волю — заведет в неволю» Кропивницкого произвела огромное впечатление на Л. Н. Толстого, И. Е. Репина, И. П. Павлова, В. В. Стасова, М. В. Нестерова, написавшего тогда же портрет Заньковецкой, и на многих других передовых людей того времени.

Впервые Чехов увидел Заньковецкую на сцене в Москве в октябре 1887 г., вероятнее всего 9 или 10 октября, когда театральная Москва, включая и прославленных мастеров Малого театра, аплодировала молодой актрисе в ее лучшей роли — Харитины-наймычки. В письме к Г. М. Чехову от 11 или 12 октября Чехов передавал свое впечатление от игры Заньковецкой: «Заньковецкая — страшная сила! Суворин прав. Только она не на своем месте» (XIII, 373).

Чехов мог видеть Заньковецкую в эти дни октября в роли Харитины или Олены («Кулак, или паук»), — кстати, именно в этой последней роли Заньковецкая произвела сильное впечатление на Толстого, — а значит слова «страшная сила!» неотделимы от того гражданского содержания, какое заключалось в трагических судьбах Харитины или Олены. В чеховской оценке Заньковецкой выразилась цельность и последовательность театральных взглядов Чехова. Он, ниспровергавший европейского кумира Сару Бернар, отворачивавшийся от всего искусственного (даже в мастерском исполнении), манерного, ложно-приподнятого или погрязшего в натуралистических мелочах и подробностях, откликался на искусство страстное, искреннее, эмоционально захватывающее и поэтически окрыленное. Фраза Чехова, что Заньковецкая «не на своем месте», не случайна для него. Спустя четыре года, в январе 1892 г., познакомившись и сдружившись с артисткой, Чехов убеждает ее перейти на русскую сцену.

Значит ли это, что Чехов присоединил свой голос к довольно громкому хору «обрусителей» из петербургских и московских «салонов», настоятельно рекомендовавших Заньковецкой перейти на императорскую сцену? «На все попытки оставить меня на императорской сцене, — писала Заньковецкая в автобиографии, — на приглашения, *пригласительные* даже (курсив наш. — А. Б.), гг. Суворина в его театре, Корша — в его

и еще многих других, невзирая на эти выгодные предложения и чрезвычайные ставки, каких до того времени почти никто не получал, невзирая на положение высокостоящего в то время русского театра, невзирая на все это, — я осталась на своей милрой, хотя тогда еще совсем бедной и репертуаром, и положением, и отношением к ней со стороны правительства украинской сцене <...>» («М. К. Заньковецька. Збірник». Київ, 1937, стр. 19).

ЧЕХОВ

Проект памятника работы Н. А. Андреева, гипс, 1930—1931 гг.

Третьяковская галерея, Москва

В этих словах Заньковецкой нет и тени рисовки, в них выразились глубокие убеждения артистки, пронесенные ею через всю ее творческую жизнь. Те же мысли она изложила в докладе на Первом всероссийском съезде сценических деятелей в 1898 г. и в знаменитом письме в редакции киевских газет от 19 января 1908 г., в котором она выражала свою веру «в лучшую будущность родного народа», в то, что «вольный гений этого народа создаст свое новое, свободное, национальное искусство», что «это искусство будет находиться в глубокой органической связи с интересами народных масс, будет помогать их разностороннему развитию, их борьбе за лучшее будущее, за красивого

духовно и сильного человека» (там же, стр. 157). Все это доказывает, что Заньковецкая была не только замечательным художником, но и мужественным общественным деятелем, сознательным борцом за развитие украинского демократического театра.

Именно эта твердость и постоянство убеждений давали Заньковецкой силу и мужество для отпора различным «обрусителям», презиравшим украинский народ. Но порой советы испробовать свои силы на русской сцене исходили от искренних друзей Заньковецкой — таких, как Нестеров или Чехов. Несомненно, что эти советы, даже в устах друзей, ранили Заньковецкую, вызывали ее протест. Ведь эти советы давали люди, которые, при всем желании, не могли до конца понять положение украинского актера, постичь его просветительскую миссию, проникнуться чувствами человека, гонимого и преследуемого царскими сатрапами, генерал-губернаторами Дрентельными и Зелеными. Это были хотя и дружеские, но советы со стороны.

Однако для нас важно то, что побудительные мотивы Чехова в корне отличались от реакционных и корыстных мотивов Суворина и других господ, третировавших украинский язык и культуру. Заньковецкая не преувеличивала, когда писала о «принудительных даже приглашениях на русскую сцену. В ход пускалось все, вплоть до материального давления, упреков в неблагодарности, скрытых угроз оставить украинский театр без поддержки и протекции.

А друзья Заньковецкой сетовали на «бедность репертуара», в чем сознавалась и сама актриса, мечтали увидеть ее в пьесах Островского, в лучших ролях мирового классического репертуара, строжайше запрещенного украинскому театру. Их увлекала возможность увидеть Заньковецкую в новых ролях, которые дали бы ее огромному таланту возможность еще ярче развернуться. Заньковецкая — Лауренсия, Заньковецкая — Катерина, Заньковецкая — героиня шекспировских пьес, — вот о чем мечтали они. У Чехова, вероятно, были и свои затаенные творческие мечты, ибо Заньковецкая-актриса была рождена для чеховского театра — простая, правдивая, страстная и мягкая, без тени аффектации, с редкостным умением поддерживать единство и цельность сценического настроения. Чехов и в ту пору, когда он только начинал писать для театра, не мог не почувствовать этого. А украинский язык несколько не мешал ему: обещая Заньковецкой написать пьесу, он спешит предупредить ее, что роль для нее будет «написана исключительно по-украински». Это чрезвычайно важное принципиальное обстоятельство, кладущее резкую грань между советами Чехова и настоянными «обрусителями».

В свете сказанного мы можем по достоинству оценить и неоспоримое свидетельство М. П. Чеховой в письме к Лазурской: «М. К. Заньковецкая очень интересовала покойного брата и своим талантом заставила его любить украинский театр» (С. М. Д у р л и н. Марія Заньковецька, 1860—1934. Життя й творчість. Київ, 1955, стр. 290).

Талант Заньковецкой произвел настолько глубокое впечатление на Чехова, что он вспоминает об актрисе в разной связи на протяжении всего следующего года. Так, 30 мая 1888 г., живя в Сумах, в усадьбе Линтваревой, он пишет Суворину: «Что касается хохлов, то все женщины напоминают мне Заньковецкую, а все мужчины — Панаса Садовского» (XIV, 118. — Здесь у Чехова, по-видимому, описка: Садовского звали Николаем, а его брат Панас принял на сцене фамилию Саксаганский). Снова упоминает он о Заньковецкой в письме к Суворину от 2 октября того же года (XIV, 174).

С началом личного знакомства Заньковецкая занимает еще более значительное место в жизни и переписке Чехова. Письма Чехова к А. И. Смагину и Н. М. Линтваревой позволяют точно установить дату их знакомства — 3 января 1892 г.

В письме к Смагину от 4 января 1892 г. Чехов сообщает: «Вчера до четырех часов утра я ездил по всяким Аркадиям и наливал себя шампанским; со мной, — добавляет он, переходя на шуточный тон, — ездил хохлацкая королева Заньковецкая, которую Украина не забудет. Она очень симпатична» (XV, 303). Спустя две недели, 18 января 1892 г., из деревни Белой, Нижегородской губернии, куда Чехов ездил для оказания помощи голодающим, он писал Н. М. Линтваревой: «Можетэ себє представить, я познакомился с хохлацкой королевой Заньковецкой, которую Украина не забудет. Она тоже хлопочет насчет хутора — хочет, чтоб я купил около нее, в Черниговской губернии. Барыня веселая» (XV, 308). Несмотря на озорное подделывание под украинскую

речь и на бойкое замечание — «барыня веселая», это письмо говорит о большом интересе Чехова к Заньковецкой. Их дружба выросла так быстро, за каких-нибудь десять дней, что уже родилась идея покупки хутора на Украине где-нибудь по соседству с Заньками.

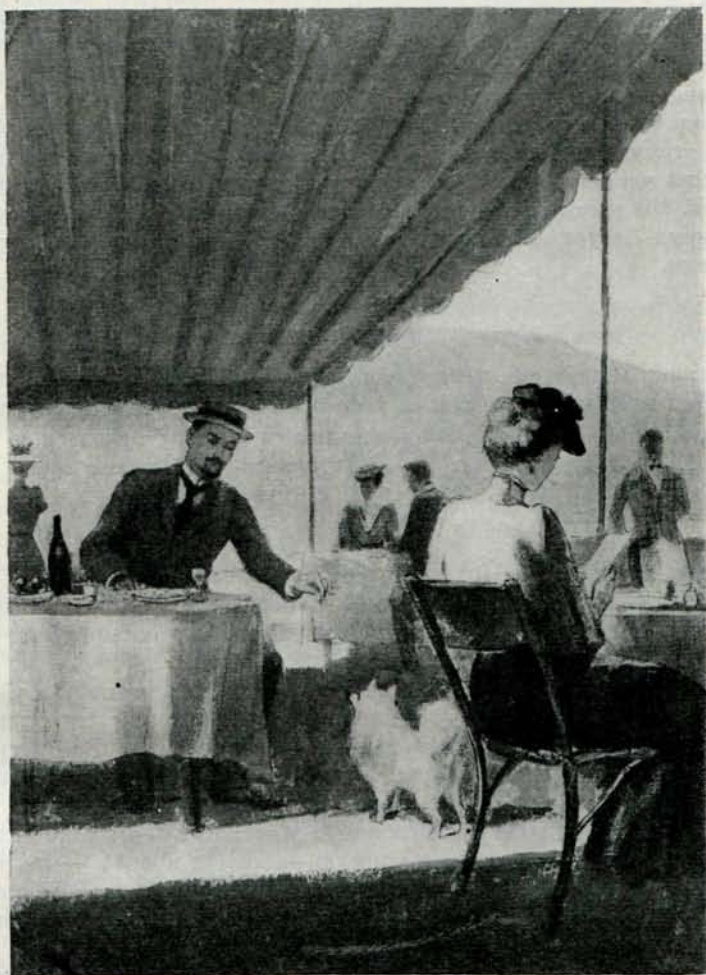

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РАССКАЗУ «ДАМА С СОБАЧКОЙ»

Акварель Кукрынинов, 1945—1946 гг.

Третьяковская галерея, Москва

Воспоминания Заньковецкой, печатаемые ниже, восполняют короткие упоминания в письмах Чехова и рисуют более подробно картину ее знакомства с Чеховым и позднейшей встречи в конце 1892 г. Ее слова, сказанные о себе самой, — «я была молода, сама любила иногда „бесшабашное веселье“» — полностью согласуются с шутливой характеристикой в письме Чехова — «барыня веселая». И в целом эти воспоминания нужно считать вполне правдивыми и достоверными.

Автору этих строк приходилось в 1937 г., в пору работы над сборником «М. К. Заньковецкая», вышедшим в Киеве, встречаться с Н. М. Лазурской и не раз убедиться в ее исключительной точности и научной добросовестности, в ее скромности и правдивости. В еще большей мере это можно отнести к самой Заньковецкой. Кто бы ни писал

о ней, неизменно отмечал ее исключительную искренность и скромность, доходившую порой до умаления собственных заслуг, до самоотречения. Для иллюстрации достаточно вспомнить ее письмо 1922 г. к администрации Государственного Народного театра, письмо, которым она решительно и навсегда оборвала свою артистическую работу. «Нет уже у меня былых энергии, силы и работоспособности, — писала она с редкой для актрисы прямоотой, — а заставлять моих коллег по амплу играть, кроме своей, и мою очередь в спектаклях, злоупотреблять их терпением и лаской, — считаю впредь недопустимым и нахожу нужным положить наконец предел <...> Простите и прощайте!» («М. К. Заньковецька». Збірник. Київ, 1937, стр. 156).

Эти строки были написаны 1 марта 1922 г., за девять месяцев до опубликования в «Силуэтах» отрывка из воспоминаний Заньковецкой. Оба документа принадлежат одному и тому же чистому, мужественному уму и сердцу, неспособному к лукавству и расчетливости. Мы имеем право утверждать, что в воспоминаниях о встречах с Чеховым, записанных Лазурской и скрепленных именем Заньковецкой, не могло быть ни слова неправды.

* * *

В публикации «Силуэтов» текст воспоминаний был напечатан с небольшими купюрами и редакторскими поправками, несколько меняющими авторскую интонацию.

Воспоминания М. К. Заньковецкой печатаются нами по рукописи ее биографии, написанной Н. М. Лазурской (лл. 84—87). Рукопись в настоящее время хранится в архиве семьи покойной Н. М. Лазурской, в Киеве.

— Я познакомилась с Чеховым у Суворина в Петербурге и очень подружилась с ним. Тогда он был еще совершенно здоров, широкоплеч, высок ростом. Ни за что бы не поверила тогда, что он погибнет от туберкулеза.

Однажды Анна Ивановна Суворина пригласила меня к себе и стала жаловаться на однообразно-утомительную обстановку их жизни: «Всё умные разговоры с утра до вечера и с вечера до утра. Всё журналисты, литераторы, литераторские споры. Ужасно хочется встряхнуться, хочется беспшашного веселья. Вы можете помочь мне в этом, Мария Константиновна. Скажите Алексею Сергеевичу, что вам хочется посмотреть ледяные горы, и для вас он бросит всякую работу и поедет — он так любит вас». Что же, я была молода, сама любила иногда «беспшашное веселье» и обещала Анне Ивановне «завести» Алексея Сергеевича. Пока же он был еще занят делами редакции, Анна Ивановна попросила меня прочесть вслух монолог Луизы из пьесы Шиллера «Коварство и любовь». Относительно ледяных гор Анна Ивановна говорила почти шепотом, а прочесть монолог просила так подозрительно громко, что я невольно оглянулась: ее уютная гостиная была далеко от жилых комнат, двери завешены портьерами. Я взяла книгу, пробежала глазами монолог и начала читать вслух. Едва я окончила, как раздались аплодисменты и из-за портьер выкатилась целая группа литераторов, как оказалось нарочно подсаженная послушать меня в классическом монологе на русском языке. Среди вошедших был и Чехов. Ему тоже понравилось. Все окружили меня, представлялись, восхищались моим дарованием, советовали переходить на русскую сцену. Я возражала им, говоря, что я не хочу изменять своему молодому украинскому делу, что мой южный акцент всегда будет меня стеснять.

— Мы будем специально для вас писать пьесы, где ваш южный акцент будет необходим, — говорили мне.

— Да вот, отчего бы вам не сыграть Марьицу в «Каширской старине», — обратился ко мне какой-то старик.

— Нет, это невозможно.

— Но почему?

— «Каширская старина» написана каким-то «перековеркиевским языком», — заявила я, не соображая, что со мною говорит сам автор пьесы, почтенный Аверкиев.

Общий хохот оглушил меня. И Аверкиев хохотал больше всех.

— Каким, каким языком? «Перековеркиевским»? Ха-ха-ха! Слышите, господа? Ну, хорошо. Я переработаю язык пьесы по вашим указаниям, дорогая Мария Константиновна.

Я смутилась и просила извинить чересчур смелую провинциалку. Однако компания развеселилась и, когда я стала расспрашивать Суворина о катанье с ледяных гор, — он моментально предложил всей компании ехать, чтобы показать «дорогой гостье» горы. Все охотно согласилось, и к великому удовольствию Анны Ивановны мы отправились. Я никогда не каталась с гор и не представляла себе, насколько ошеломляюще это ощущение действует на новичков.

Моим спутником был Чехов, и когда наши саночки ухнули в ледяную бездну, сердце у меня замерло, и я вскрикнула не своим голосом — звонко и дико. Это очень понравилось Суворину.

— Ах, как она вскрикнула! Нет, это какой-то особенно красивьй крик.

И Суворин сам стал спускаться со мной с гор, а я кричала ему в ухо, что есть мочи, уже для того, чтобы доставить удовольствие старику...

— Мурочка, — перебила я ее, — Суворин увлекался тобою?¹

— Нет, как женщиною не увлекался. Он просто любил меня дружески. Любил, по его словам, «как дорогое дитя» и как артистку — и любовь эту сохранил ко мне навсегда. Когда в 1899 г. я приезжала в Петербург участвовать в юбилейном вечере Котляревского, Суворин меня просто сконфузил: по окончании спектакля «Наталка Полтавка» я вышла в костюме в зал, а Суворин, не обращая внимания на окружающую публику, подошел ко мне, поклонился до земли, поцеловал руку и сказал: «Вот самая талантливая, самая скромная и самая мной любимая артистка».

Вот и Чехов очень хорошо ко мне относился, дорожил моим обществом, но не кавалерствовал и не влюблялся. Я потом часто видалась с ним в Москве. Он любил беседовать со мною, навещал меня, когда я тосковала. Говорил, что у меня «красивая душа» и много милого, задушевного, чеховского. Как-то он зашел ко мне, а я была очень расстроена. Ему захотелось развлечь меня, и так как у меня был свободный вечер, он уговорил пойти к Омону. Пошли. Едва только начали выходить шансонетки, разводить ручками и подымать ножки, мне еще тяжелее стало, я как зареву. Антон Павлович совсем растерялся, уговаривает меня, а у самого по лицу слезы текут. Потом, когда вышли оттуда и успокоились, он долго подтрунивал над тем, как Заньковецкая с Чеховым отправились развлечься к Омону и что из этого вышло.

Он тоже уговаривал меня перейти на русскую сцену, а я в свою очередь стыдила его, что он, сам украинец, а подговаривает меня к измене². Журила его, что он не пишет на родном языке. А он мне возражал, что грешно зарывать талант, что на русской сцене дорога шире. Обещал написать пьесу, в которой для меня будет одна роль исключительно на украинском языке.

Потом как-то говорил, что уже пишет такую пьесу, но о дальнейшей ее судьбе я ничего не знаю: наши пути разошлись; он начал хворать, ему приходилось жить то в Крыму, то за границей, и больше я с ним не встречалась, а удивительной чистоты душевной был человек.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь Н. М. Лазурская внесла в запись вопрос, заданный ею Заньковецкой

² Называя Чехова украинцем, Заньковецкая допустила ошибку.